

Ганс Христиан Андерсен

Соловей

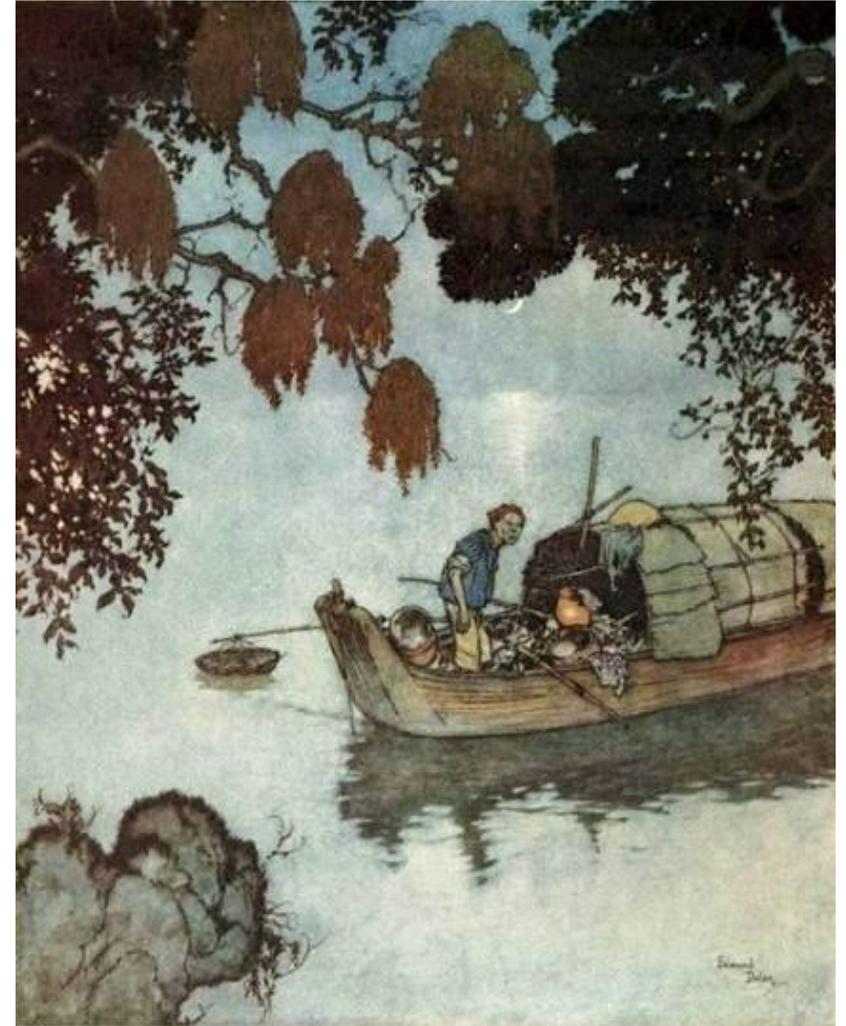
1 ГЛАВА

В Китае, как ты, наверное, знаешь, и сам император китаец, и все его подданные китайцы.

Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она ещё не совсем позабыта.

Во всём мире не нашлось бы дворца лучше, чем у китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что и дотронуться страшно. В саду росли диковинные цветы, и к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики. Они звенели, чтобы никто не прошёл мимо, не заметив цветов. Вот как хитро было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. За садом был чудесный лес с высокими деревьями и глубокими озёрами, и доходил он до самого синего моря. Большие корабли могли заплывать прямо под ветви, и здесь, у самого берега моря, жил соловей. Пел он так дивно, что его заслушивался даже бедный рыбак, у которого и без того дел хватало.

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники; все они дивились дворцу и саду, но, услышав соловья, говорили: «Вот это лучше всего!» Вернувшись домой, они рассказывали об увиденном. Учёные описывали в книгах столицу, дворец и сад императора и никогда не забывали о соловье — его хвалили особенно; поэты слагали чудесные стихи о соловье, живущем в лесу у синего моря.

Книги расходились по всему свету, и некоторые дошли до самого императора. Он сидел в своём золотом кресле, читал и каждую минуту кивал головой — очень уж приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. «Но соловей лучше всего!» — стояло в книге.

— Как! — сказал император. — Что за соловей? Ничего о таком не знаю! Неужто в моей империи, и даже в моём собственном саду, есть такая птица, а я о ней ничего не слышал? И вот приходится вычитывать такое из книг!

И он послал за своим первым министром. Тот был такой важный, что если кто-нибудь чином пониже осмеливался заговорить с ним или спросить о чём-либо, он отвечал только: «П!» — что ровно ничего не значит.

— Говорят, у нас есть замечательная птица по имени соловей, — сказал император. — Говорят, лучше её нет ничего в моём государстве. Почему мне ни разу о ней не докладывали?

— Никогда не слышал такого имени, — сказал министр. — Наверное, она не была представлена ко двору!

— Желая, чтобы она явилась во дворец и пела предо мной сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, что у меня есть, а я не знаю!

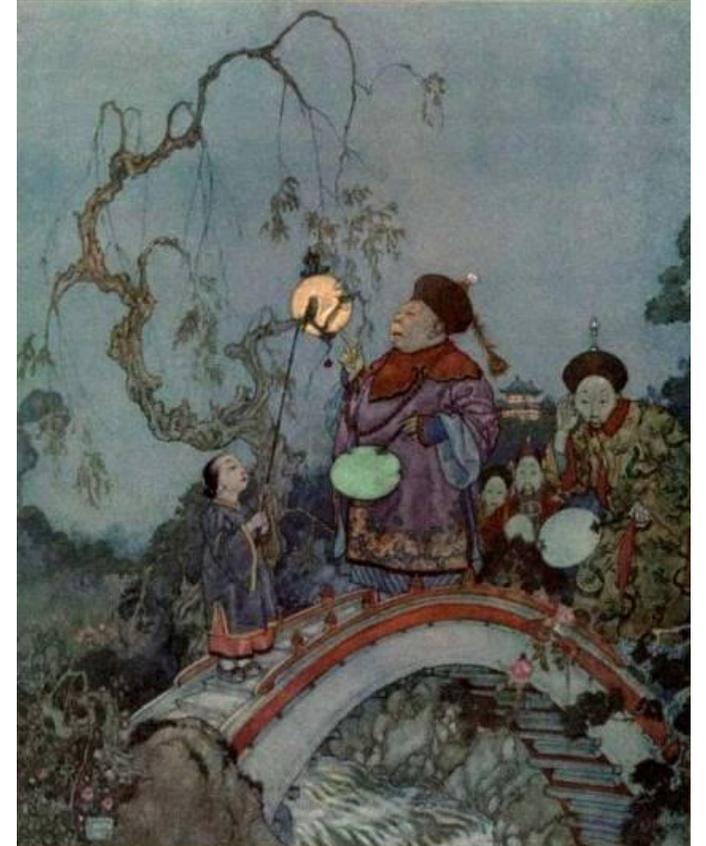
— Никогда не слыхал такого имени! — повторил министр. — Будем искать, разыщем!

А где её разыщешь?

Министр бегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из придворных, к которым он обращался, ничего не слыхал о соловье. Тогда министр снова прибежал к императору и заявил, что сочинители, верно, рассказывают сказки.

— Ваше императорское величество! Не верьте всему, что пишут в книгах! Всё это одни выдумки, так сказать, чёрная магия!

— Но ведь книга, в которой я прочёл о соловье, прислана мне могущественным императором Японии, в ней не может быть неправды! Хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня вечером! Объявляю ему моё высочайшее благоволение! А если его не будет, весь двор, как отужинает, будет бит палками по животу!

И вот все отправились в лес, в котором жил соловей. Шли они, шли, как вдруг замычала корова.

— О! — сказал камер-юнкер. — Вот он! Какая, однако, сила у такого маленького создания! Мне определённо уже доводилось слышать его!

— Нет, это корова мычит! — отвечала маленькая кухарка. — А нам ещё далеко идти!

Вот в пруду заквакали лягушки.

— Восхитительно! Восхитительно! — сказал придворный священник. — Теперь я его слышу! Точь-в-точь как малые колокола!

— Нет, это лягушки! — отвечала маленькая кухарка. — Но теперь, пожалуй, скоро услышим и его!

И вот запел соловей.

— Вот он! — сказала девочка. — Слушайте! Слушайте! А вон и он сам!

И она указала на серенькую птичку среди ветвей.

— Возможно ли! — сказал министр. — Никак не воображал его себе таким! Уж больно простоват на вид! Верно, он стучевался при виде стольких знатных особ

— Мой несравненный соловушка! — сказал министр. — Имею приятную честь пригласить вас на имеющий быть сегодня придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его императорское величество своим восхитительным пением!

— Меня лучше всего слушать в лесу! — сказал соловей, но всё же охотно подчинился воле императора и последовал за придворными.

А дворец-то как украшали! Фарфоровые стены и пол сверкали тысячами золотых фонариков, в проходах были выставлены самые лучшие цветы с колокольчиками. Беготни и сквозняку было куда как много, но все колокольчики звенели так, что ничего не было слышно.

Посреди огромного зала, где сидел император, установили золотой шест для соловья. Весь двор был в сборе, а маленькой кухарке дозволили стать в дверях — ведь она уже была в звании придворной поварихи. Все надели свои лучшие наряды, и все глядели на маленькую серую птичку, а император кивнул ей головой.

И соловей запел так дивно, что у императора слёзы набежали на глаза, и тогда ещё краше запел соловей, и песнь его хватала за сердце. Император был очень доволен и хотел пожаловать соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей с благодарностью отказался:

Я видел на глазах императора слёзы, и для меня нет ничего драгоценнее!

— Ах, очаровательнее кокетства и помыслить нельзя!
— говорили придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы булькать, когда с ними кто-нибудь заговорит. Им казалось, что тогда они сами будут похожи на соловья. Даже слуги и служанки объявили, что они довольны, а ведь это немало — угодить им труднее всего. Да, соловей положительно имел успех. Его определили при дворе, отвели ему собственную клетку и разрешили гулять два раза днём и один раз ночью. К нему приставили двенадцать слуг, и каждый держал его за привязанную к лапке шёлковую ленточку. И прогулка была ему не в прогулку.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

Весь город говорил об удивительной птице, и когда двое знакомых встречались, один сейчас же говорил: «соло», а другой доканчивал: «вей!» — и оба вздыхали, поняв друг друга. А ещё именем соловья были названы одиннадцать сыновей мелочных торговцев, хотя всем им слон на ухо наступил.

И вот однажды императору пришёл большой пакет с надписью: «Соловей».

— Не иначе как ещё одна книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.

Но это была не книга, а шкатулка с затейливой штучкой — искусственным соловьём. Он был совсем как настоящий и весь отделан алмазами, рубинами и сапфирами. Заведёшь его — и он мог спеть песню настоящего соловья, и его хвост при этом так и ходил вверх и вниз, отливая золотом и серебром. На шее у него была ленточка с надписью: «Соловей императора Японии ничто по сравнению с соловьём императора китайского».

— Какая прелесть! — сказали все в один голос, и того, кто принёс искусственного соловья, тотчас утвердили в звании «обер-поставщика соловьёв его величества». — Теперь пусть-ка споют вместе, интересно, выйдет у них дуэт?

И им пришлось спеть вместе, но дело на лад не пошло: настоящий соловей пел по-своему, а искусственный — как шарманка.

— Он не виноват, — сказал придворный капельмейстер. — Он отлично выдерживает такт и поёт строго по моей методе!

И вот искусственного соловья заставили петь одного. Он имел не меньший успех, чем настоящий, но был куда красивее, весь так и сверкал драгоценностями!

Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Все были не прочь послушать его ещё раз, да тут император сказал, что теперь должен спеть немного и настоящий соловей.

Но куда же он делся? Никто и не заметил, как он выпорхнул в открытое окно и улетел в свой зелёный лес.

— Что же это такое? — сказал император, и все придворные возмутились и назвали соловья неблагодарным.

— Всё равно тот соловей, что остался у нас, лучше, — сказали они, и искусственному соловью пришлось петь опять, и все в тридцать четвёртый раз услышали одну и ту же песенку. Однако придворные так и не запомнили её наизусть, такая она была трудная. А капельмейстер знай нахваливал искусственного соловья и утверждал даже, что он лучше настоящего не только нарядом и чудесными алмазами, но и внутренним своим складом.

— Извольте видеть, ваше величество, и вы, господа, про живого соловья никогда нельзя знать наперёд, что он споёт, а про искусственного можно! Именно так, и не иначе! В искусственном соловье всё можно понять, его можно разобрать и показать человеческому уму, как расположены валики, как они вертятся, как одно следует из другого!..

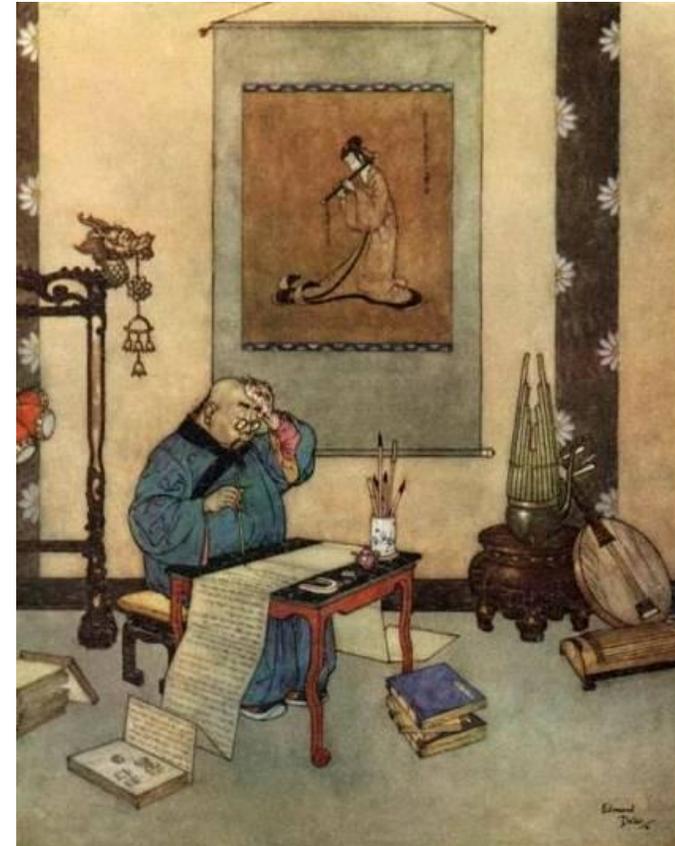
— И я тоже так думаю! — в голос сказали все, и капельмейстер получил разрешение в следующее же воскресенье показать искусственного соловья народу.

— Пусть и народ послушает его! — сказал император.

И народ слушал и остался очень доволен, как будто вдоволь напился чаю — это ведь так по-китайски. И все говорили: «О!» — и поднимали в знак одобрения палец и кивали головами. Только бедные рыбаки, слышавшие настоящего соловья, говорили:

— Недурно и очень похоже, да вот чего-то недостаёт, сами не знаем чего. Настоящего соловья объявили изгнанным из пределов страны, а искусственный занял место на шёлковой подушке у постели императора. Вокруг него лежали преподнесённые ему подарки, а сам он был возведён в звание «певца ночного столика его императорского величества номер один слева», потому что самым почётным император считал место, где расположено сердце, а сердце расположено слева даже у императоров. А капельмейстер написал об искусственном соловье учёный труд в двадцати пяти томах, полный самых трудных китайских слов, и придворные говорили, что прочли и поняли его, не то они показали бы себя дураками и были бы биты палками по животу.

Так прошёл год. Император, придворные и все прочие китайцы знали наизусть каждое коленце в песне искусственного соловья, но как раз поэтому он им и

Но вот однажды вечером искусственный соловей пел во всю мочь, а император лежал в постели, слушая его, как вдруг внутри соловья что-то щёлкнуло, колёсики побежали впустую, и музыка смолкла.

Император сейчас же вскочил с постели и послал за своим лейб-медиком, но что тот мог поделаться? Призвали часовщика, и после длинных разговоров и долгих осмотров он кое-как подправил соловья, но сказал, что его надо поберечь, потому как шестерёнки поистерлись, а поставить новые, так, чтобы музыка шла по-прежнему, невозможно. Ах, какое это было огорчение! Теперь соловья заводили только раз в год, и даже это казалось чересчур. А капельмейстер произнёс краткую речь, полную всяких умных слов, — дескать, всё по-прежнему хорошо. Ну, значит, так оно и было.

Прошло пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, как говорили, заболел, и жить ему осталось недолго. Уже подобрали и нового императора. На улице стоял народ и спрашивал первого министра, что с их прежним повелителем.

— П! — только и отвечал министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший лежал император на своём пышном ложе. Все придворные решили, что он уже умер, и каждый спешил на поклон к новому владыке. Слуги выбегали из дворца поболтать об этом, а служанки приглашали к себе гостей на чашку кофе. По всем залам и проходам расстелили ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и всюду было так тихо, так тихо... Только император ещё не умер. Закоченевший и бледный лежал он на пышном ложе под бархатным балдахинном с тяжёлыми золотыми кистями. А с высоты в открытое окно светила на

Бедняга император дышал с трудом, и казалось ему, будто на груди у него кто-то сидит. Он открыл глаза и увидел, что на груди у него сидит Смерть. Она надела его золотую корону и держала в одной руке его золотую саблю, в другой его славное знамя. А вокруг из складок бархатного балдахина выглядывали диковинные лица, одни гадкие и мерзкие, другие добрые и милые: это смотрели на императора все его злые и добрые дела, ведь на груди у него сидела Смерть.

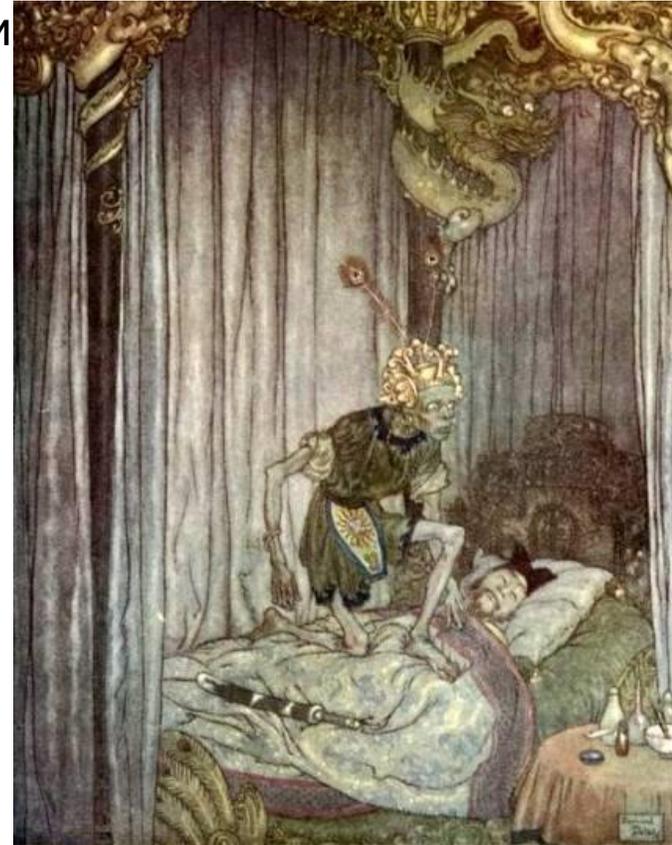
— Помнишь? — шептали они одно за другим. — Помнишь? — И рассказывали ему столько, что на лбу у него выступил пот.

— Я об этом никогда не знал! — говорил император. — Музыки мне, музыки, большой китайский барабан! — кричал он. — Не хочу слышать их речей!

А они продолжали, и Смерть, как китаец, кивала головой на всё, что они говорили.

— Музыки мне, музыки! — кричал император. — Пой хоть ты, милая золотая птичка, пой! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я собственноручно повесил тебе на шею свою золотую туфлю, пой же, пой!

Но искусственный соловей молчал — некому было завести его, а иначе он петать не мог. А Смерть всё смотрела и смотрела на императора своими большими пустыми глазницами, и было так тихо, страшно тихо...

И вдруг раздалось чудесное пение. Это пел живой соловей. Он сидел за окном на ветке, он прослышал про болезнь императора и прилетел утешить и ободрить его своей песней. Он пел, и призраки все бледнели, кровь всё убыстряла свой бег в слабом теле императора, и даже сама Смерть слушала соловья и повторяла:

— Пой, соловушка, пой ещё!

— А ты отдашь мне золотую саблю? И славное знамя? И корону?

И Смерть отдавала одну драгоценность за другой, а соловей всё пел. Он пел о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает сирень и свежая трава увлажняется слезами живых. И Смерть охватила такая тоска по своему саду, что она холодным белым туманом выплыла из окна.

— Спасибо, спасибо, чудесная птичка! — сказал император. — Я не забыл тебя! Я изгнал тебя из страны, но ты всё же отогнала от моей постели ужасные призраки, согнала с моей груди Смерть. Как мне наградить тебя?

КОНЕЦ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

— Ты уже вознаградил меня! Я исторг у тебя слёзы в первый раз, когда пел перед тобою, — этого я никогда не забуду! Нет награды дороже для сердца певца. Ну, а теперь спи и просыпайся здоровым и бодрым! Я спою для тебя.

И он запел, и император заснул сладким сном. Ах, какой спокойный и благотворный был этот сон!

Когда он проснулся, в окно уже светило солнце. Никто из слуг не заглядывал к нему, все думали, что он умер. Один соловей сидел у окна и пел.

— Ты должен остаться со мной навсегда! — сказал император. — Будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственного соловья я разобью вдребезги.

— Не надо! — сказал соловей. — Он сделал всё, что мог. Пусть остаётся у тебя. Я не могу жить во дворце, позволь лишь прилетать к тебе, когда захочу. Тогда я буду садиться вечером у твоего окна и петь тебе, и моя песнь порадует тебя и заставит задуматься. Я буду петь о счастливых и несчастных, о добре и зле, укрытых от твоих глаз. Певчая птичка летает повсюду, наведывается и к бедному рыбаку и к крестьянину — ко всем, кто живёт далеко от тебя и твоего двора. Я люблю тебя за твоё сердце больше, чем за корону. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне одно...

— Всё что угодно! — сказал император и встал во всём своём царственном убранстве — он сам облёкся в него, а к груди он прижимал свою тяжёлую золотую саблю.

— Об одном прошу я тебя: не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём. Так дело пойдёт лучше.

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мёртвого императора — и застыли на пороге, а император сказал им:

— С добрым утром!

КОНЕЦ